

·thebigbook·

Кейт Аткинсон

ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
А 92

Kate Atkinson
LIFE AFTER LIFE
Copyright © 2013 by Kate Costello Ltd.
All rights reserved

Перевод с английского Елены Петровой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой

ISBN 978-5-389-07844-4

© Е. Петрова, перевод, примечания, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Элиссе

Что, если бы днем или ночью подкрался к тебе в твое уединеннейшее одиночество некий демон и сказал бы тебе: «Эту жизнь, как ты ее теперь живешь и жил, должен будешь ты прожить еще раз и еще бесчисленное количество раз <...>». Разве ты не бросился бы навзничь, скрежеща зубами и проклиная говорящего так демона? Или тебе довелось однажды пережить чудовищное мгновение, когда ты ответил бы ему: «Ты — бог, и никогда не слышал я ничего более божественного!»

Ницше. Веселая наука¹

Все вещи меняются, и ничто не остается на месте.

Платон. Кратил²

«Что, если у нас была бы возможность проживать эту жизнь снова и снова, пока не получится правильно? Вот было б здорово, да?»

Эдвард Бересфорд Тодд

¹ Пер. М. Кореновой, С. Степанова и В. Топорова.

² Пер. Т. Васильевой.

БУДЬТЕ ДОБЛЕСТНЫ

Ноябрь 1930 года

Удушающее облако табачного дыма и влажного липкого воздуха окутало ее при входе в кафе. Шел дождь, и на шубках некоторых женщин, сидящих в зале, все еще дрожали тонким росистым покровом капли воды. Полк официантов в белых передниках сутился вокруг отдыхающих мюнхенцев, которым хотелось кофе, сдобы и сплетен.

Он сидел за столиком в дальнем конце зала, окруженный, как всегда, друзьями и прихлебателями. В этом кружке выделялась женщина, которую вошедшая никогда до этого не встречала: густо покрашенная пепельная блондинка с кудряшками, судя по внешности — актриса. Блондинка закурила сигарету, будто разыгрывая пошлое представление. Все знали, что он отдает предпочтение скромным, пышущим здоровьем баваркам. В гетрах и фартучках, господи прости!

Стол ломился от угощений. *Bienenstich*, *Gugelhupf*, *Käsekuchen*¹. Он уминал *Kirschtorte*². Ему нравилась выпечка. Неудивительно, что он отнюдь не отличался стройностью; она поражалась, как он до сих пор не заработал диабет. Одежда скрывала от посторонних глаз неприятно рыхлое тело (ей сразу представилась сдоба). Ни доли мужского не было в этом человеке. Завидев ее, он с улыбкой полупривстал, произнес: «*Guten Tag*,

¹ Медовая коврижка, ванильный кекс, ватрушка (нем.).

² Вишневый торт (нем.).

gnädiges Fräulein»¹ — и указал на занятый стул рядом с собой. Сидевший там прихлебатель быстро вскочил и ретировался.

— *Unsere Englische Freundin*², — сказал он блондинке, медленно пускавшей сигаретный дым; без всякого интереса окинув взглядом незнакомку, та наконец выговорила: «*Guten Tag*»³. Берлинка.

Опустив на пол тяжелую сумку, она заказала *Schokolade*. Он уговорил ее отведать *Pflaumen Streusel*⁴.

— *Es regnet*, — заметила она между прочим. — Идет дождь.

— Да, идет дождь, — повторил он с сильным акцентом и сам усмехнулся, довольный своей попыткой.

Сидящие за столом тоже засмеялись. Кто-то воскликнул: «*Bravo! Sehr gutes English*»⁵. Он пребывал в хорошем расположении духа и, весело улыбаясь, постукивал по губам указательным пальцем, словно в такт мелодии, игравшей у него в голове.

Сливовый пирог оказался превосходным.

— *Entschuldigung*⁶, — пробормотала она, наклоняясь к сумке в поисках носового платка.

Отделанный кружевом платок украшали ее инициалы «УБТ» — это был подарок от Памми ко дню рождения. Она аккуратно промокнула уголки губ, удалив с них крошки пирога, и снова наклонилась, чтобы вернуть платок в сумку, а затем вынула из нее что-то тяжелое. Это был «уэбли» пятой модели — старый револьвер ее отца, служивший ему во время Первой мировой войны.

Движение, отрепетированное сотни раз. Один выстрел. Главное — не мешкать. Хотя после того, как она

¹ Добрый день, барышня (нем.).

² Наша английская подруга (нем.).

³ Добрый день (нем.).

⁴ Пирог со сливами (нем.).

⁵ Bravo! Отличный английский (нем.).

⁶ Извините (нем.).

достала оружие и направила ему прямо в сердце, на долгий миг ей почудилось, будто все вокруг замерло.

— *Führer*, — произнесла она, словно заклинание. — *Für Sie*¹.

Одно резкое движение — и все револьверы сидящих за столом уже направлены на нее.

Вдох. Выстрел.

Урсула спустила курок.

Наступила темнота.

¹ Фюрер... Это вам (*нем.*).

СНЕГ

11 февраля 1910 года

Ледяной порыв ветра, морозный воздух на чувствительной коже. Ничто не предвещало, что она лишится укрытия, а знакомый уютный и теплый мир исчезнет без следа. Теперь она бессильна против всех стихий. Как моллюск, вырванный из панциря, как орех, извлеченный из скорлупы.

Ни одного вдоха. Мир съежился. Один вдох.

Маленькие легкие, словно крылья стрекозы, поникли от гнета. Дыхательное горло не справляется с дыханием. Тысячи пчел роятся и жужжат в крошечном изгибе уха.

Паника. Тонущая девочка; подстреленная птица.

*

— Доктор Феллоуз давно уже должен был приехать, — простонала Сильви. — Почему его до сих пор нет? Где же он?

Крупные капли пота жемчужинами катились по ее коже, как по бокам лошади в конце тяжелого забега. От пламени камина веяло жаром корабельной топки. Тяжелые парчовые шторы были плотно задернуты от враждебной силы — ночи. От этой черной летучей мыши.

— Нынче в снегу застрять немудрено, мэм. Вон как непогода разгулялась. Видать, все дороги замело.

Сильви и Бриджет остались один на один с суровым испытанием. Горничная Элис уехала проведать свою

больную мать. А Хью, конечно же, отправился *à Paris*¹ за своей беспутной сестрой Изобел. Сильви не хотелось тревожить миссис Гловер, которая спала в мансарде и, как боров, сотрясалась от храпа. Сильви думала, что выдержит все, не дрогнув ни одним мускулом, как сержант на плацу. Роды оказались преждевременными. А по расчетам Сильви, они должны были начаться с небольшим запозданием, как и двое предыдущих. Мы счастья ждем, а на порог... и так далее. — Ой, мэ, — вскрикнула Бриджет, — она вся синюшная, вся как есть!

— Девочка?

— Пуговина обмоталась вокруг шеи. Ох, святые угодники, батюшки мои. Задохнулась, бедная малютка.

— Совсем не дышит? Дай взглянуть. Надо что-то делать. Как же быть?

— Ох, миссис Тодд, мэ, она нас покинула. Умерла, не пожив. Жалко ее до слез. Будет теперь ангелочком на небесах, как пить дать. Ох, если бы мистер Тодд был здесь. Вот беда-то. Прикажете разбудить миссис Гловер?

Маленькое сердечко. Беспомощное, яростно бьющееся сердечко. Вдруг замерло, как упавшая с неба птица. Один выстрел.

Наступила темнота.

¹ В Париж (*фр.*).

СНЕГ

11 февраля 1910 года

— Ради бога, прекрати метаться, как недорезанная курица. Тащи горячую воду и полотенца. Соображаешь? Ты где выросла?

— Простите, сэр. — Бриджет виновато сделала реверанс перед доктором Феллоузом, словно перед отпрыском королевского рода.

— Это девочка, доктор Феллоуз? Можно мне посмотреть?

— Конечно, миссис Тодд, — здоровенькая, крепенькая малышка.

Сильви показалось, что доктор Феллоуз переборщил с ласкательными формами. Он и в лучшие свои минуты не отличался добродушием. Казалось, недуги пациентов созданы лишь ему назло, а рождение и смерть — тем более.

— Чуть не умерла от удушения пуповиной. Я успел буквально в последний момент.

Доктор Феллоуз поднял хирургические ножницы, чтобы Сильви смогла их рассмотреть. Маленькие, аккуратные, с загнутыми острыми концами.

— Чик-чик, — сказал он.

Сильви, хотя и устала, прокрутила в голове маленькую, незаметную мысль, а именно: купить на всякий случай точно такую же пару ножниц. (Маловероятно, что они пригодятся.) Или нож, хорошо заточенный нож, и чтобы он постоянно был у нее при себе, как у маленькой разбойницы в «Снежной королеве».

— Повезло вам, что я добрался до Лисьей Поляны вовремя, — сказал доктор Феллоуз. — Пока дороги не

завалило снегом. Я послал за повитухой, миссис Хэддок, но она, скорее всего, застряла, еще не доехав до Челфонт-Сент-Питера.

— Миссис Хэддок? — переспросила Сильви, нахмурившись¹.

Бриджет захохотала, но, спохватившись, выдавила:

— Простите, простите, сэр.

Сильви решила, что они с Бриджет обе на грани истерики. Ничего удивительного.

— Грязнушка ирландская, — проворчал доктор Феллоуз.

— Бриджет всего лишь прислуга, еще совсем ребенок. Я ей очень благодарна. Все произошло так стремительно.

Больше всего Сильви хотелось остаться одной, но в комнате постоянно кто-то был.

— Я думаю, вам лучше заночевать у нас, доктор, — сказала она с неохотой.

— Да, выбора, похоже, нет, — с такой же неохотой отозвался доктор Феллоуз.

Со вздохом Сильви предложила ему пройти на кухню и выпить бренди. А также перекусить ветчиной и соленьями.

— Бриджет вас проводит.

Ей хотелось, чтобы он поскорее ушел. Он принимал у нее роды все три (три!) раза, а она его терпеть не могла. Только мужу дозволено видеть то, что видел он. Он копался своими инструментами в ее самых чувствительных, интимных местах. (Но разве было бы лучше, если бы роды принимала повитуха миссис Хэддок?) Все женские доктора должны быть женщинами. Но такое маловероятно.

Доктор Феллоуз замешкался, что-то бормоча и наблюдая, как разгоряченная Бриджет обмывает и пеле-

¹ Haddock (*англ.*) — *букв.* пикша (рыба из семейства тресковых).

нает новорожденную. У своих родителей Бриджет была самой старшей из семи детей и умела обращаться с младенцами. Ей было четырнадцать — на десять лет моложе Сильви. Но Сильви в ее возрасте бегала в коротеньких юбочках и обожала своего пони Тиффина. Она понятия не имела, откуда берутся дети, и даже в первую брачную ночь не знала что да как. Ее мать Лотти отделялась намеками, стесняясь углубляться в анатомические подробности. Супружеские отношения загадочным образом уподоблялись жаворонкам, парящим в небе на рассвете. Лотти была сдержанной женщиной. Возможно, даже страдала нарколепсией. Ее муж, отец Сильви, Льюэллин Бересфорд был известным в свете, но отнюдь не богемным портретистом. Не допускал наготы и фривольности. Писал портрет королевы Александры в бытность ее принцессой. Весьма приятна в общении, отмечал он.

У них был солидный дом в Мэйфере, а Тиффин стоял в конюшне близ Гайд-парка. В самые трудные минуты Сильви обычно подбадривала себя тем, что представляла, как она погожим весенним утром, в далеком радостном прошлом, удобно сидя в дамском седле на широком крупе Тиффина, едет рысцей по Роттен-роу среди цветущих деревьев.

— Может, подать горячего чаю и гренки с маслом, миссис Тодд? — спросила Бриджет.

— Было бы чудесно, Бриджет.

Сильви наконец протянули малышку, запеленатую, как мумия фараона. Нежно погладив румяную щечку, Сильви произнесла: «Здравствуй, крошка»; доктор Феллоуз отвернулся, чтобы не быть свидетелем приторного излияния чувств. Будь его воля, он бы всех детей воспитывал по-спартански.

— Самое время перекусить, — сказал он. — У вас, случайно, не осталось овощного маринада, что готовит миссис Гловер?

ЧЕТЫРЕ РАЗНЫХ ВРЕМЕНИ В ГОДУ

11 февраля 1910 года

Сильви проснулась от яркого луча света, пробивающегося сквозь занавески сияющим лезвием серебряного меча. Пока она нежилась под кашемиром и кружевами, в комнату вошла миссис Гловер, гордо неся перед собой огромный поднос с завтраком. Только событие исключительной важности способно было заставить миссис Гловер так далеко отойти от своих владений. Одинокий подснежник в вазочке на том же подносе, только что принесенный с холода, в тепле сразу поник.

— Подснежник! — воскликнула Сильви. — Цветок, первым поднимающий свою бедную головку от земли. Как это мужественно!

Вдовая миссис Гловер, которая не верила, что цветы обладают мужеством или любой другой чертой характера, положительной или отрицательной, жила в Лисьей Поляне считанные недели. Она сменила женщину по имени Мэри, у которой посуда валилась из рук, а мясо вечно подгорало. Миссис Гловер же старалась, напротив, не доводить еду до полной готовности. Когда Сильви была маленькой, в зажиточном доме ее родителей кухарку именовали хозяйкой, но миссис Гловер предпочитала, чтобы к ней обращались «миссис Гловер». Это подчеркивало ее значимость. Про себя Сильви упорно продолжала называть ее хозяйкой.

— Спасибо, хозяйка. — (Миссис Гловер, словно ящерица, медленно закатила глаза.) — Миссис Гловер, — поправилась Сильви.

Опустив поднос на кровать, миссис Гловер отдернула шторы. В комнату хлынул невероятный свет; летучей мыши как не бывало.

— Глаза слепит, — выговорила Сильви, загораживаясь ладонью.

— Снегу-то навалило.

Миссис Гловер покачала головой, то ли с изумлением, то ли с брезгливостью. Подчас ее трудно было понять.

— Где доктор Феллоуз? — спросила Сильви.

— Отбыл по срочному вызову. Где-то фермера бык помял.

— Какой ужас.

— Из деревни люди прибежали, хотели его автомобиль откопать, но не тут-то было. В конце концов мой Джордж вызвался его подвезти.

— Ах вот оно что. — Сильви как будто разгадала некую старую загадку.

— А еще говорят: лошадиная тяга, — фыркнула миссис Гловер, сама похожая на быка. — Вот и доверяй этим новомодным тарахтелкам.

— Мм... — Сильви не хотела оспаривать такие твердые убеждения.

Ее удивило, что доктор Феллоуз перед отъездом не осмотрел ни ее, ни ребенка.

— Он к вам заглянул. Да вы спали, — сообщила миссис Гловер.

Временами Сильви подозревала у нее телепатические способности. Кошмарная мысль.

— Сперва, конечно, позавтракал, — единым духом одобрила и осудила доктора миссис Гловер. — Appetit у него — что надо, это уж точно.

— Я бы и сама целую лошадь съела, — посмеялась Сильви.

Она, конечно,хватила: ей тут же вспомнился Тиффин. Взявшись за столовое серебро, тяжелое, как ору-

жие, она приготовилась разделаться с рублеными почками, приготовленными миссис Гловер.

— Изумительно, — сказала она (неужели?), но все внимание миссис Гловер было уже обращено на лежащую в колыбели малышку («пухленькая, что молочный поросенок»). Сильви лениво подумала: неужели миссис Хэддок до сих пор не может выбраться из Челфонт-Сент-Питера?

— Я слыхала, девчушка чуть не померла, — сказала миссис Гловер.

— Ну... — протянула Сильви.

Линия между жизнью и смертью очень тонка. Однажды вечером ее отец, светский портретист, выпив лучшего коньяку, поскользнулся на исфаханском ковре, устилавшем площадку второго этажа. Наутро его нашли мертвым у подножья лестницы. Никто не слышал ни крика, ни грохота. А незадолго до этого отец взялся писать портрет графа Бальфура. Так и оставшийся незаконченным. Естественно.

Очень скоро выяснилось, что при жизни Льюэллин распоряжался деньгами более свободно, чем предполагали его жена и дочь. Заядлый картежник, он наделал долгов по всему городу. Никаких распоряжений на случай скоропостижной смерти он не оставил, и вскоре зажиточный дом в Мэйфере наводнили кредиторы. Не дом, а, как оказалось, карточный домик. Тиффина пришлось продать. У Сильви разрывалось сердце — сильнее, чем от потери отца.

— Я думала, у него была только одна пагубная страсть — женщины, — произнесла ее мать, присев на чемодан и будто позируя для «Пьеты».

Их затянула интеллигентная, благопристойная нищета. Мать Сильви сделалась бледной и невзрачной, жаворонки разлетелись, а она угасала от чахотки. В семнадцать лет Сильви была спасена от участи натурщицы одним человеком, с которым познакомилась на почте.

Это был Хью. Восходящая звезда сытого банковского мира. Воплощение буржуазной респектабельности. О чем еще могла мечтать хорошенькая девушка без гроша в кармане?

Лотти умерла спокойнее, чем можно было ожидать, и Хью без лишней шумихи женился на Сильви в день ее восемнадцатилетия. («По крайней мере, — сказал Хью, — тебе не составит труда запомнить годовщину нашей свадьбы».) Медовый месяц — восхитительный *quinzaine*¹ — они провели во французском городке Довиль, а затем обрели полупасторальное блаженство неподалеку от Биконсфилда, купив дом почти в стиле Лаченса. Там было все, чего только можно желать: просторная кухня, гостиная с застекленными дверями, выходящими на лужайку, прелестная утренняя столовая и несколько спален, ожидающих пополнения в семье. В задней части дома имелся закуток, где Хью оборудовал себе кабинет. «Да, моя роптальня», — усмехался он.

Соседские дома располагались на почтительном расстоянии. За ними начинались луга, рощица и голубой от колокольчиков лес, прорезанный речкой. Благодаря наличию железнодорожной станции, точнее одного перрона, Хью добирался до своего банка менее чем за час.

— Сонное царство, — посмеялся Хью, галантно поднимая Сильви на руки, чтобы перенести через порог.

Жилище (в сравнении с Мэйфером) было довольно скромным, но все же слегка превышало их возможности, и это финансовое безрассудство удивило обоих.

— Нужно дать нашему дому имя, — сказал Хью. — «Лавры», или «Сосны», или «Вязы».

— Но у нас в саду ничего такого не растет, — возразила Сильви.

¹ Двухнедельный срок (*фр.*).

Стоя у застекленной двери, они разглядывали запущенную лужайку.

— Придется нанять садовника, — сказал Хью.

Дом встретил их гулкой пустотой. Они еще не приобрели ни ковры Войси, ни ткани Морриса — ничего, что привнесло бы в интерьеры эстетический комфорт двадцатого века. Сильви охотнее согласилась бы жить в универмаге «Либерти», чем в этом семейном доме, у которого даже не было имени.

— «Зеленые акры», «Милый вид», «Солнечный луг»? — предлагал Хью, обнимая молодую жену.

— Нет.

Прежний владелец, продав свой безымянный дом, перебрался в Италию.

— Подумать только, — мечтательно произнесла Сильви.

В ранней юности она побывала в Италии — отец возил ее в «гранд-тур», когда мать отправилась в Истборн подлечить легкие.

— Там же одни итальянцы, — пренебрежительно бросил Хью.

— Совершенно верно. В том-то и смысл, — сказала Сильви, высвобождаясь из его объятий.

— «Конек»? «Усадьба»?

— Остановись, прошу тебя, — взмолилась Сильви.

Вдруг из кустов выскочила лисица и потрусилась через лужайку.

— Ой, смотри! — оживилась Сильви. — На вид совсем непуганая, привыкла, наверное, что в доме никто не живет.

— Надеюсь, за ней не гонятся местные охотники, — сказал Хью. — Зверушка совсем отощала.

— Это самка. Детенышей кормит — видишь, как соски отвисли.

Заслышав такие беззастенчивые речи из уст своей еще недавно невинной (хотелось бы верить; хотелось бы надеяться) молодой жены, Хью сощурился.

— Смотри, — шепнула Сильви; на траве кувыркались двое маленьких лисят. — До чего же милые создания!

— Говорят, от них один вред.

— А они, наверное, думают, что это от нас один вред, — возразила Сильви. — «Лисья Поляна» — вот как будет называться этот дом. Ни у кого нет дома с таким названием, а ведь это самое главное, правда?

— Ты серьезно? — недоверчиво переспросил Хью. — В этом есть какая-то странность, ты не находишь? Похоже на детскую сказку: «Дом на Лисьей Поляне», «Дом на Пуховой Опушке».

— Небольшая странность — это не беда.

— Строго говоря, — продолжал Хью, — может ли дом быть поляной? Дом может быть на поляне.

Начинается семейная жизнь, подумала Сильви.

В дверь осторожно заглянули двое детишек.

— Наконец-то, — заулыбалась Сильви. — Морис, Памела, входите, поздоровайтесь со своей сестренкой.

Они с опаской приблизились к колыбели, будто не зная, что обнаружится внутри. Сильви вспомнила, как испытала нечто похожее, когда во время прощания с отцом подошла к элегантному, с медными накладками, дубовому гробу (любезно оплаченному членами Королевской академии художеств). Впрочем, детей, вполне возможно, смущало лишь присутствие миссис Гловер.

— Опять девчонка, — мрачно изрек Морис.

Пяти лет от роду, на два года старше Памелы, он стал главой семьи, когда уехал Хью.

— В командировку, — сообщала Сильви знакомым, хотя на самом деле он спешным порядком пересек Ла-Манш только для того, чтобы вырвать свою беспутную младшую сестрицу из лап женатого мужчины, с которым та сбежала в Париж.

Морис ткнул пальцем в младенческую щечку; новорожденная проснулась и в испуге запищала. Миссис

Гловер схватила Мориса за ухо. Сильви содрогнулась, но Морис героически выдержал боль. Сильви решила, как только наберется сил, непременно поговорить с миссис Гловер.

— Имя придумали? — спросила миссис Гловер.

— Урсула, — ответила Сильви. — Я назову ее Урсулой. Это означает «медведица».

Миссис Гловер неопределенно кивнула. У богатых свои причуды. А возьми ее родного сына: собой видный, а зовут без затей — Джордж. «От древнегреческого „земледелец“», — объяснил викарий, который его крестил; Джордж и впрямь трудился на земле в соседнем имении Эттрингем-Холл, как будто имя предопределило его судьбу. Впрочем, миссис Гловер не склонна была размышлять о судьбе. А о древних греках — тем более.

— Ну, пойду я, — сказала миссис Гловер. — На обед кулебяка будет — вкуснота. А на сладкое — египетский пудинг.

Сильви понятия не имела, что представляет собой египетский пудинг. Ей на ум приходили только египетские пирамиды.

— Нам всем подкрепиться нужно, — добавила миссис Гловер.

— Это верно, — подтвердила Сильви. — Да и Урсулу пора еще разок покормить!

Ее саму раздосадовал этот незримый восклицательный знак. Непостижимо, но в разговорах с миссис Гловер она часто напускала на себя преувеличенную жизнерадостность, как будто стремилась уравновесить естественный баланс веселости в мире.

Миссис Гловер невольно содрогнулась, когда из-под кружевного облака пеньюара появились бледные, с голубыми прожилками груди Сильви. Она стала торопливо подталкивать детей к дверям.

— Кашу кушать, — мрачно скомандовала миссис Гловер.

— Не иначе как Господь хотел забрать эту крошку обратно, — проговорила некоторое время спустя Бриджет, входя в спальню с чашкой горячего чая.

— Мы подверглись испытанию, — ответила Сильви, — которое с честью выдержали.

— В этот раз — да, — сказала Бриджет.

Май 1910 года

— Телеграмма, — объявил Хью, неожиданно появившись в детской и выведя Сильви из приятной дремоты, в которую та погрузилась во время кормления Урсулы.

Быстро прикрыв грудь, Сильви отозвалась:

— Телеграмма? Кто-то умер?

И в самом деле, выражение лица Хью наводило на мысль о трагедии.

— Из Висбадена.

— Понятно, — сказала Сильви. — Значит, Иззи родила.

— Не будь этот прохиндей женат, — начал Хью, — сделал бы мою сестру порядочной женщиной.

— Порядочной женщиной? — задумчиво протянула Сильви. — Разве такое бывает? — (Она произнесла это вслух?) — А помимо всего прочего, для замужества она слишком молода.

Хью нахмурился и от этого стал еще привлекательнее.

— Ей всего лишь на два года меньше, чем было тебе, когда ты стала моей женой, — заметил он.

— И при этом она как будто намного взрослее, — негромко произнесла Сильви. — У них все благополучно? Ребенок здоров?

Когда Хью настиг сестру в Париже и силком затащил ее в поезд, а затем на отплывавший в Англию паром, она, как выяснилось, была уже заметно *enceinte*¹.

¹ Беременна (*фр.*).

Аделаида, ее мать, тогда сказала: лучше бы Иззи оказалась в руках торговцев белыми рабынями, чем в пучине добровольного разврата. Идея торговли белыми рабынями заинтриговала Сильви: она даже представляла, как ее саму мчит в пустыню на арабском скакуне какой-то шейх, а потом она нежится на мягких диванных подушках, лакомится сладостями и потягивает шербет под журчание родников и фонтанов. (У нее были подозрения, что это мало похоже на истину.) Гарем казался ей чрезвычайно разумным изобретением: разделение женских обязанностей и все такое.

При виде округлившегося живота младшей дочери Аделаида, неизбежно приверженная викторианским взглядам, буквально захлопнула дверь перед носом Иззи, отослав ее обратно через Ла-Манш, дабы позор остался за границей. Младенца предполагалось как можно скорее отдать на усыновление. «Какой-нибудь респектабельной бездетной паре из Германии», — решила Аделаида. Сильви попыталась представить, на что это похоже: отдать своего ребенка чужим людям. («И мы никогда больше о нем не услышим?» — поразила ее. «Очень надеюсь», — ответила Аделаида.) Теперь Иззи ожидала отправки в Швейцарию, в какой-то пансион благородных девиц, хотя на девичестве и, похоже, на благородстве давно можно было поставить крест.

— Мальчик, — сообщил Хью, размахивая телеграммой, как флагом. — Крепыш и так далее и тому подобное.

Урсула встречала свою первую весну. Лежа в коляске под буком, она следила за игрой света в нежно-зеленой листве, когда ветерок мягко трогал ветви. Ветви были руками, а листья — пальцами. Дерево танцевало для нее одной. *Колыбель повесь на ветку, ворковала Сильви, пусть качает ветка детку.*

В саду растет кустарник, лепетала Памела, на вид совсем простой, с серебряным орешком и грушей золотой.

Подвешенный к капюшону коляски игрушечный заяц крутился, поблескивая на солнце серебристым мехом. Когда Сильви была совсем маленькой, этот заяц, сидящий торчком в плетеной корзиночке, украшал собой ее погремушку; от погремушки, как и от детства, давно остались одни мечтания.

Перед глазами Урсулы то появлялся, то исчезал весь известный ей мир: голые ветви, почки, листья. Она впервые наблюдала смену времен года. Зима с рождения была у нее в крови, но потом налетело предвестие весны, на деревьях набухли почки, лето нехотя разлило жару, осень повеяла прелым, грибным духом. Поднятый верх коляски заключал ее мир в тесную рамку. Со сменой времен года за этой рамкой появлялись неожиданные прикрасы: солнце, облака, птицы; как-то над ней беззвучно описал дугу пущенный неумелым движением мячик для крикета, пару раз появилась радуга, частенько сыпал противный дождь (Урсулу порой не сразу спасали от непогоды).

А как-то осенним вечером, когда об Урсуле никто не вспомнил, в рамке вспыхнули звезды и луна — было интересно и в то же время страшно. Бриджет тогда досталось по первое число. Коляска в любую погоду стояла под открытым небом: навязчивую идею о пользе свежего воздуха Сильви унаследовала от своей матери Лотти, которая в молодости провела не один месяц в швейцарском санатории, где днями напролет сидела, кутаясь в плед, на открытой террасе и безучастно разглядывала снежные вершины Альп.

Бук ронял свои листья, которые лоскутками бронзового пергамента плыли над Урсулой. В один из отчаянно ветреных ноябрьских дней над коляской нависла зловещая фигура. Морис корчил рожи, дразнился: «Бу-бу-бу», а потом поддел одеяльце палкой. «Малявка тупая», — бросил он и напоследок засыпал ее охапкой листьев. Урсула начала задремывать под этим листовым покровом, но тут чья-то ладонь отвесила Морису оплеуху, он взвыл «Ай!» и исчез. Серебристый

заяц стремительно завертелся, Урсулу выхватила из коляски пара сильных рук, и Хью сказал:

— Вот ты где. — Как будто она потерялась, а теперь нашлась. — Прямо как ежик в спячке, — обернулся он к Сильви.

— Бедненькая, — посмеялась Сильви.

И снова пришла зима. Урсула вспомнила ее по прошлому году.

Июнь 1914 года

Свое четвертое лето Урсула встретила без особых происшествий. Ее мать с облегчением отметила, что малышка, вопреки (или благодаря) столь трудному вхождению в этот мир, развивается нормально, благодаря (или вопреки) строгому распорядку дня. Урсула, в отличие от Памелы, не была склонна к размышлениям, но и не жила бездумно, в отличие от Мориса.

Стойкий оловянный солдатик, думала Сильви, наблюдая, как Урсула топает вдоль берега за Морисом и Памелой. Они казались совсем крошечными — да такими они и были, — но почему-то Сильви не переставала удивляться необъятности своего чувства к детям. Самый младший и самый крошечный, Эдвард, еще не покидал переносную плетеную колыбельку, стоявшую рядом с ней на песке, и пока не причинял никакого беспокойства.

Их семья на месяц сняла дом в Корнуолле. Хью пробыл там всего неделю, а Бриджет осталась до конца срока. Еду готовили Бриджет и Сильви сообща (и довольно скверно), потому что миссис Гловер взяла месячный отпуск, чтобы съездить в Сэлфорд и помочь одной из своих сестер, у которой сын подхватил дифтерию. Стоя на перроне полустанка, Сильви вздохнула с облегчением, когда широкая спина миссис Гловер скрылась в вагоне.

Аткинсон К.

А 92 Жизнь после жизни : роман / Кейт Аткинсон ; пер. с англ. Е. Петровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 544 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-07844-4

В Лисьей Поляне, метелью отрезанной от внешнего мира, рождается девочка — и умирает, еще не научившись дышать.

В Лисьей Поляне, метелью отрезанной от внешнего мира, рождается та же девочка — и чудом выживает, и рассказывает историю своей жизни.

Рассказывает снова и снова. Пока не получится правильно прожить двадцатый век: спастись из коварных волн; избежать смертельной болезни; найти закатившийся в кусты мячик; разминуться с опасным ухажером; научиться стрелять, чтобы не промахнуться в фюрера.

«Жизнь после жизни» — самый поразительный бестселлер 2013 года от автора таких международных хитов, как «Человеческий крокет» и романы о частном детективе Джексоне Броуди («Преступления прошлого», «Поворот к лучшему», «Ждать ли добрых вестей?», «Чуть свет, с собакою вдвоем»), которые Стивен Кинг назвал «лучшим детективным проектом десятилетия».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

КЕЙТ АТКИНСОН
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Кирилла Иванова
Корректоры Ирина Киселева, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 13.01.2016. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 23,97. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors

YMBB1584805R